

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81.22

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-6-20

А. Соломоник
Иерусалим, Израиль

Abraham Solomonick
Jerusalem, Israel

ЛОГИКИ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ РАЗНЫХ
ТИПОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛОГИК
ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЖАНРОВ РЕЧИ)

LOGIC OF SIGN SYSTEMS OF DIFFERENT
TYPES (ON EXAMPLE OF THE LOGIC OF
STATEMENT AND GENRES OF SPEECH)

Работы Абрама Соломоника хорошо известны философам и лингвистам – специалистам по семиотике языка и отдельных языков. В центре внимания израильско-русского ученого находятся три важнейших аспекта всех знаковых систем: 1) их природа и внутреннее устройство, 2) их происхождение и 3) их функционирование. Этому последнему аспекту уделяется особенно много внимания в вышедшей в московском издательстве «Спутник+» в 2017 г. книге А. Соломоника «О языке и языках». Настоящая работа представляет собой в основном извлечение из данной книги, которые мы решили подать в несколько измененной форме в виде самостоятельной статьи.

Не меньше, чем традиционные лингвисты, найдут для себя полезного и интересного в концепции Абрама Соломоника исследователи речи и речевой коммуникации, включая жанроведов. Наряду с логикой собственно языковых систем, автор рассматривает логику их приложений – функционирование в виде коммуникации, высказываний и текстов. Как и следовало ожидать, важное место в этом принадлежит единицам и категориям речевой системности, и прежде всего речевым жанрам. Именно с этой точки зрения подробно рассматриваются в статье ряд жанров устной и письменной речи: устный рассказ, публичное выступление, сочинение на заданную тему, эпистолярный жанр и др.

Ключевые слова: логики знаковых систем, логика соответствий, формальная логика, логика системы, логика приложений, типы высказываний, стили и жанры речи.

The works of Abraham Solomonick are well known to philosophers and linguists that specialize in semiotics of language and individual languages. Three important aspects of all sign systems get attention of the Israeli-Russian scientist; they are 1) the nature and internal structure of sign systems, 2) their origin and 3) their functioning. This latter aspect is given particular attention in Solomonick's book "On Language and Languages" published by the Moscow publishing house Sputnik+ in 2017. The present work is particularly an extract from this book, which we decided to submit in a somewhat modified form of an independent article.

The core principal of Abraham Solomonick's work might be useful and interesting not only for traditional linguists but also for the researchers of speech and speech communication, including experts on speech genres. Along with the logic of the actual language systems, the author considers the logic of their applications (functioning in the form of communication, statements and texts). As one would expect, an important role is given to units and categories of speech system, and above all to speech genres. It is from this point of view that a number of genres of oral and written speech are discussed in detail in the article: oral narrative, public speech, composition on a given topic, epistolary genre, etc.

Key words: logic of sign systems, logic of correspondences, formal logic, system logic, application logic, types of statements, styles and genres of speech.

Сведения об авторе: Абрам Соломоник, доктор педагогики.

Место работы: Иерусалим, Израиль, Почетный профессор.

E-mail: semiosol@netvision.net.il

About the author: Abraham Solomonick, Ph.D.

Place of work: Israel, Jerusalem, Professor Emeritus.

E-mail: semiosol@netvision.net.il

Логика в языковых системах

Основной причиной неполного совмещения объективной реальности с ее отражением в языке является то обстоятельство, что в язы-

ке действует не один тип логики, а целых четыре. Я их перечислю: логика соответствия с окружающей средой, формальная логика, логика данного языка (данной знаковой системы) и логика приложения данной

системы к реальной жизни. Первая логика заставляет нас при использовании языка все время оглядываться на то, что происходит в реальности, и сверять наши словесные построения с фактами. Большею частью мы вообще передаем нечто из нашего реального опыта; тогда обращение к действительности кажется неизбежным и обязательным. Даже когда мы не касаемся реальных событий, а рассказываем что-либо из наших переживаний или мыслей, мы постоянно сверяем свое повествование с действительностью и поправляем себя, когда зашкаливаем за слишком фантастический сюжет. Короче говоря, в своей речи мы пытаемся воспроизвести сущее, не отклоняясь от истинного положения дел. Это я и называю *логикой соответствия*. Она характерна для любой знаковой системы, когда та не отрывается от реальных событий.

Второй тип логики – это *логика формальная*, возникшая еще в Древней Греции и впервые получившая свое научное обоснование в сочинениях Аристотеля. Конечно, и до Аристотеля люди старались мыслить логично и последовательно, даже в отрыве от непосредственного соприкосновения с реальностью. Такое соприкосновение было их первым шагом к созданию логического мышления. В различных обстоятельствах люди старались использовать последовательности, которые наблюдали в природе. По утрам они вставали, ближе к ночи ложились спать. Весной они сажали растения, а осенью убрали урожай. По суше они ездили верхом или на колесницах, а по воде – на лодках и судах. Но все это было лишь первой стадией их логически оправданного поведения в соответствующих обстоятельствах. Когда они начинали рассуждать по поводу реальной жизни и даже старались предсказать будущее, прежней логики им уже не доставало. Они должны были выдумать подходящий инструмент мышления, который обеспечил бы им наилучшие способы прийти при правильных посылках к разумному и правильному выводу. Это и стало задачей формальной логики, которая развивалась на протяжении всей истории цивилизации, потому что оказалось, что у формальной логики имеется множество уровней.

Одним из способов реализации формальной логики стал язык. Но язык имеет и свою собственную логику, *логику конкретной знаковой системы*. Выяснилось, что любой язык передает одно и то же событие по-своему. Почему? Ведь речь идет об одном и том же? Как я рассказывал в [1], языки развивались хаотично, каждый – в собственном русле, соответственно, они обращаются к своим собственным наработкам. Поэтому всегда приходится учитывать «логику данного язы-

ка». Любое предложение будет построено по-своему, в соответствии с правилами (логикой) данной системы и имеющимися в нем словами. Логика языка, несомненно, учитывает и логику соответствий, и формальную логику, но одевает их в свои собственные одежды.

По-русски вы осведомитесь у собеседника: «Сколько Вам лет?», а на английском – «How old are you?», что буквально означает «Насколько вы стары?». По-русски мы скажем: «Я собираюсь сделать то-то и то-то». Мы используем конструкцию «“собираться” (“намереваться”) + глагол (часто в совершенной форме – “закурить”, “написать” и пр.)». В ней, в этой конструкции заложен некоторый *оксюморон* (соединение противоречивых частей): я еще только решаю что-то сделать, но уже заявляю об успешном окончании этого намерения. В английском языке оксюморон усиливается: «He is going to...read, run, smoke» (в буквальном переводе «Он идет (да еще в продолженном варианте) читать, бежать, курить»). Получается «Улита едет, когда-то будет», хотя в действительности говорящий выказывает самое решительное намерение что-то осуществить. А в иврите эта конструкция получает самое неожиданное наполнение для, например, русского уха: *הוא תמיד ...ל*, то есть, «Он *стоит*, чтобы что-то сделать». «Он *стоит*, чтобы бежать, написать, построить» и т. д. И, тем не менее, фраза эта отражает полнейшую решимость выполнить предстоящее действие, да так она и воспринимается слушателями.

Оказалось, однако, что не всегда лингвистические изощрения достигают цели. Вы можете рассказывать один и тот же эпизод, но различные слушатели либо поймут, либо не поймут ваш рассказ, либо каждый из них поймет его по-своему. Поэтому снова и снова нам приходится прибегать к новым языковым формулировкам и перекодировать свое сообщение. Появляется *логика приложений* данной знаковой системы. Каждый из нас имеет свой собственный жизненный опыт и воспринимает новую информацию в свете этого опыта. Следовательно, нам приходится прибегать к разным способам изложения одного материала для различных аудиторий. К счастью, язык – такая разветвленная знаковая система, что предоставляет достаточно средств для передачи разных вариантов одного и того же события.

Если принять за исходное положение наличие у пользователей не одного, а нескольких видов логики знаковых систем, то становится понятным, почему одно и то же событие приобретает разное воплощение даже в одном, не говоря уже о разных языках. И язык

в целом, и различные его проявления рождаются под влиянием разных типов логики, ибо один тип логики не может воспроизвести другой своими средствами на все сто процентов. Каждый тип логики развивается в связи с другими, но пользуясь своими собственными ресурсами и закономерностями. Ранее мы говорили о стремлении системы к полноте, о том, что она стремится заранее подготовиться к самому разнообразному использованию. И тут на ее пути снова возникают факторы, которые препятствуют ей в этом движении.

Вот вам пример из трех слов русского языка: «мачта», «почта» и «мечта». Все три – существительные, все женского рода и примерно одинаковой конструкции. Теперь просклоняйте их по обычной для таких существительных парадигме в единственном и во множественном числе. Выяснится, что в слове «мечта» невозможно образовать родительный падеж во множественном числе. Нет такого слова «мечт», в то время как мы совершенно свободно получаем эту форму от слов «мачта» и «почта» («мачт» и «почт»). Почему? Не знаю. Просто не принята в русском языке эта словоформа, и никаких логических объяснений этому факту не имеется. Точно так же, как нет деепричастия настоящего времени от глагола «писать» – форма «пиша» не существует, в то время как другие переходные глаголы приобретают ее совершенно свободно – «рисую», «делаю» и пр. Почему? Да просто так. Вопрос этот с формальной логикой не связан, он – на словоупотребление в данном языке; и в этом случае приходится отвечать: «Не принято, не входит в систему». Кстати говоря, таких нестыковок в языке (в любом языке) сотни. Так что работы будущим лингвистам будет всегда предостаточно. Другое дело, согласятся ли на предлагаемые ими реформы пользователи языком, для которых он всегда будет представляться «неприкасаемым». Но это уже логика приложения.

Типы высказываний

По параметру законченности мысли то или иное высказывание может представлять собой синтагму, идиоматическое выражение либо отдельную фразу (предложение).

Синтагма – первичная ячейка законченной мысли, еще не отлившаяся в предложение. Группы подлежащего либо сказуемого, построенные по правилам языка, – это синтагмы, которые потом объединяются, чтобы составить цельное предложение. Синтагмы конструируются так, чтобы, с одной стороны, правильно выразить неполную частичку мысли, а с другой стороны, чтобы подготовить ее к последующему включению в предложе-

ние. Основная цель синтагмы заключается в том, чтобы заготовить блок для будущей фразы. Это как в строительстве: для возведения стены необходимо заранее подобрать блоки, которые ее составят. Каждый блок должен быть без изъяна, одновременно он должен представлять собой частичку будущей стены, способную сопрягаться с другими рядом находящимися частицами. С точки зрения лингвистической слова в синтагму подбираются по законам языка. Если синтагма представляет собой группу подлежащего, то в ее центре будет располагаться, как правило, существительное в именительном падеже, рядом будут помещены его определения и т. д. Все это в порядке, предусмотренном грамматикой языка, и в подходящих словоформах.

Иногда нет необходимости заботиться о составлении синтагмы – она предоставляется нам в готовом виде в форме *идиоматических выражений*. В любом языке таких выражений тысячи. Это как бы заранее произведенные строительные блоки, экономящие наши усилия по выражению той или иной мысли. У них три основные характеристики. Они употребляются как единое целое и в том виде, в котором предстают в словарях, без каких-либо изменений. Их составные части не поддаются самостоятельной расшифровке, и все же общий смысл фразы ясен носителям языка. Например, говоря «куда Макар телят не гонял», мы не задумываемся над тем, кто такой Макар или причем тут телята, но общий смысл фразы нам понятен – «очень далеко», «в места не столь отдаленные» (еще одна идиома). Наконец, третьей отчетливой характеристикой идиоматических выражений является образный контекст, выделяющий их из обычной, эмоционально не окрашенной речи.

Отдельные синтагмы и идиомы соединяются в *цельное предложение*, которое включает в себя вполне законченную мысль. Объединение, опять-таки, производится по правилам конкретного языка, отраженным в его грамматиках. Формальное завершение предложения отражается на письме знаками пунктуации: точкой, вопросительным либо восклицательным знаком. Если автор чувствует, что его предложение получилось в каком-то смысле незавершенным, он ставит в его конце многоточие. Знаки пунктуации внутри сложных предложений отражают множественные варианты выражения различных по связям частей мысли. Отдельные предложения соединяются в разнообразные отрезки текста, о чем мы поговорим в следующем разделе.

Соединение предложений в законченные отрезки текста

Дальше отдельные предложения соединяются в абзацы, разделы, главы и, в конце концов, в законченный текст. Соединения этого плана тоже происходят по неким *синтаксическим правилам*, которые, однако, обычно выводятся за пределы грамматики языка и изучаются в прилегающих к языкознанию дисциплинах, таких как *риторика* (красноречие), *теория литературы* и некоторых других. Впрочем, внутри лингвистики они тоже изучаются в разделе, называемом «анализ текста» (*text analysis*). Такое странное «разделение труда» выглядит не совсем оправданным, но так уж сложилась всеобщая традиция в этом плане, и она имеет под собой некоторые основания, о чем мы поговорим ниже.

Дело в том, что я постоянно свожу проблему к объединению законов мышления (логики) с законами языковых построений. От этого подхода я не собираюсь отказываться и при обсуждении «правил» составления цельных отрывков текста. В полный текст предложение входит лишь как начальная конструкция, вслед за которой идут все бульшие по размерам единицы, составленные из многих предложений, и разнонаправленные по содержанию. И все же объединение отдельных предложений в цельный текст также и безусловно подчиняется логике нашего мышления. Только логика эта совершенно другого плана, нежели та, о которой говорилось в предыдущем разделе. Там мы видели логику отдельной фразы с четким набором разных ее частей, которые заранее можно было предусмотреть и которые описываются сначала в грамматиках отдельных языков, а затем рисуются в наглядных схемах. Готовые же предложения настолько разнообразны по тому, что они хотят сказать и по взаимным связям с предыдущими и последующими фразами, что четкая и заранее сформулированная их последовательность в развернутом тексте не представляется возможной.

Можно дать лишь самые расплывчатые рекомендации, что и делается в различных прикладных по отношению к лингвистике дисциплинах. Так, в риторике объясняются приемы, которые помогают построить убедительное выступление, позволяющее так расположить все аргументы, что вывод из них представляется единственно возможным. Самым любопытным примером в этом смысле является речь Марка Антония из драмы Шекспира «Юлий Цезарь». За всю свою долгую жизнь я не читал ничего более изысканного в этом плане. Цезарь убит заговорщиками. Его друг Марк Антоний выступает перед толпой

римлян над телом убитого и говорит, якобы, для того, чтобы очернить покойного и оправдать его убийство. На самом деле, прославляя его убийц, он их обвиняет и делает это так искусно, что каждое его слово звучит набатом против них. В конце концов он так распалает толпу, что та отправляется громить убийц Цезаря. Антоний довольно потирает руки.

Но это – образец великого литературного дара Шекспира. На самом деле в публичных выступлениях пытаются доказать именно то, в пользу (или против) чего выдвигаются аргументы. Имеются для этого специальные пути и приемы, освященные временем и обычаями. Сборники выступлений лучших юристов разных стран хорошо иллюстрируют сказанное. История знает немало блестящих образцов ораторского искусства, начиная с Цицерона в Древнем Риме и кончая выступлениями Ф. Н. Плевако или А. Ф. Кони в царской России. Я не сомневаюсь, что среди современных юристов и общественных деятелей также имеется немало выдающихся ораторов.

Особо следует остановиться на литературных произведениях, где мы находим примеры более четкой организации цельного текста. Все хорошо знакомо, например, с теорией построения литературных произведений по схеме «*вступление – сюжет – кульминация – развязка*». Тем не менее это очень расплывчатая схема, применяющая самые разнообразные средства для своей реализации. В конкретных литературных произведениях текст обычно делится на главы. Главы нумеруются и обозначаются названиями. Названия всех глав выносятся в оглавление работы. Оглавление и является внутренним планом сочинения, демонстрирующим логику ее развития. Вот пример такого оглавления в книге великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) «История одного города»:

ОТ ИЗДАТЕЛЯ
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ
О КОРЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛУПОВЦЕВ
ОПИСЬ ГРАДОНАЧАЛЬНИКАМ
ОРГАНЧИК
СКАЗАНИЕ О ШЕСТИ ГРАДОНАЧАЛЬНИЦАХ
ИЗВЕСТИЕ О ДВОЕКУРОВЕ
ГОЛОДНЫЙ ГОРОД
СОЛОМЕННЫЙ ГОРОД
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК
ВОЙНЫ ЗА ПРОСВЕЩЕНИЕ
ЭПОХА УВОЛЬНЕНИЯ ОТ ВОЙН
ПОКЛОНЕНИЕ МАМОНЕ И ПОКАЯНИЕ
ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПОКАЯНИЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Иногда автор считает необходимым раскрыть подробнее содержание главы и добавляет после ее названия краткое перечисление тех событий, которые будут в ней описаны,

и в том порядке, в котором они произойдут. Так, например, в книге Джерома К. Джерома (1859–1927) «Трое в лодке (не считая собаки)» первая глава предваряется следующим перечислением: «Трое больных. – Немоци Джорджа и Гарриса. – Жертва ста семи смертельных недугов. – Спасительный рецепт...». Это уже более развернутый план сочинения. Он может принять вид еще более подробных заметок в записях писателя, предшествующих началу работы над книгой, чему мы находим многочисленные подтверждения в литературоведческих трудах.

Самым важным для нас в контексте проводимого обсуждения является тот факт, что логика синтаксиса здесь выражается в словах, а не в схемах, как в предыдущем разделе. Это решающий фактор для доказательства того, что в данном случае мы используем менее абстрактную и более понятную логику, чем та, которая принята для построения отдельного предложения. В уже упомянутой книге [1] я писал, что все знаки располагаются по оси абстрактности, причем слова на ней размещены ниже на оси абстрактности, чем схемы. Слова по нашей концепции наделены способностью разяснять все иные знаковые построения. Вот они и разясняют, как произойдут те или иные события, представленные читателю, в какой логической последовательности это будет сделано.

Может быть, мне следует упомянуть, что и сама логика как наука развивалась, получая все более сложные и абстрактные продолжения. Родоначальником формальной логики единодушно признается Аристотель (IV век до н. э.). Он выдвинул и обосновал первую логическую теорию. В ней важнейшую роль играло построение, которое называлось *силлогизмом*. Силлогизм в свете учения Аристотеля – это такая расстановка посылок, которая приводит к безупречно оправданному выводу; одна из форм дедуктивного умозаключения (вывода от общего к частному), когда из двух данных суждений (посылок) вытекает третье (заключение). Мы постоянно пользуемся этим приемом мышления в своих практических действиях. Силлогизм может быть оформлен словами, тогда он будет прозрачен и понятен:

Я всегда зажигаю газовую плиту спичками.

Сейчас я держу в руках спички и стою перед плитой.

следовательно: Если я зажгу спичку и поднесу ее к плите и она тогда загорится.

Приведенное рассуждение представляет собой намеренно упрощенный силлогизм, но он показывает, как люди мыслят в практической жизни, как логические умозаключения

помогают нам выбрать правильный путь в жизненных передерягах. Аристотель, разумеется, формализовал свои силлогизмы. Они содержали обычно две посылки и вывод. Знаменитым примером был силлогизм по поводу смерти Сократа:

Все люди смертны.
Сократ – человек.

следовательно:

Сократ смертен.

Слова «люди» и «человек» называются *средними терминами*. Средний термин не входит в вывод, а служит для определения и заключения о *будущем термине* – «смертны» и «смертен». Большой термин выступает причиной всего процесса рассуждений, а в выводе он определяет *меньший термин* – Сократа, по поводу которого мы рассуждаем. Все термины еще называются *переменными силлогизма*. Переменные могут быть выражены словами, как это продемонстрировано в примере, а могут быть записаны буквами. Уже Аристотель выражал переменные греческими буквами. Сделав это, он указал путь к дальнейшей формализации силлогизма. С этого времени и до наших дней продолжается усложнение логики в сторону все большей ее формализации.

Возникли различные логические языки и разные *типы логики*. Различается, например, *логика высказываний*; она занимается проверкой словесных манипуляций с точки зрения их истинности или ложности. Она целиком переведена с обычного языка на специфически логический язык. Существуют *классическая логика*, *математическая логика*, а в последнее время и *логическое программирование*. Последнее изучает методы и возможности составления программ для компьютеров, основанных на выводе новых фактов из данных согласно заданным логическим правилам. Логическое программирование основано на теории *математической логики*.

Для нас важен самый факт множественности различных логик, постепенно выводимых из первоначальной классической логики. Тот или иной тип логики приспосабливается к определенному виду операций над знаками в зависимости от того, подходит ли он ему по степени абстракции. Каждый тип логики приносит с собою специфический язык и парадигмы обработки последнего. Как мы видели выше, для планирования отдельных предложений требуются синтаксические правила, оформленные языком грамматики, и *метапроцедуры* (сверхпроцедуры), проявляющиеся в схемах-построениях типа дерева. Для планирования больших, чем предложение, отрывков достаточны обычные языковые пояснения в

виде детально разработанного плана. Это тоже синтаксис, только иного рода, построенный на логике иного типа.

Стиль разговорной речи

Итак, мы пришли к выводу, что в обыденной разговорной речи мы существенно ограничиваем спектр тех языковых средств, которые нами используются в литературном стиле. И, тем не менее, слова в разговорной речи очень далеки от той однозначности, которой мы пытаемся достичь в научном стиле или даже в бюрократической переписке. В последних мы добиваемся наибольшей точности и изгнания всякой двусмысленности, чего нельзя сказать об обычном разговорном словоупотреблении. Я думаю, что это происходит чаще всего потому, что точное и однозначное слово требует от нас особых усилий, а в обычной беседе мы расслабляемся и не готовы к основательным размышлениям по части выбора лексики и ее грамматического сопровождения. Это похоже на манипуляции с дробями. Известно, что десятичные дроби имеют большой допуск в конечном результате. Избирая их для проведения расчетов, мы как бы заранее соглашаемся с тем, что наш результат будет иметь некоторую неточность в пределах последнего знака. Если нас такой результат устраивает, то мы на нем и останавливаемся. Если нет, приходится использовать обычные дроби, которые дают более точный результат, но зато и действия с ними гораздо более трудоемки.

Что же приходит нам на выручку в обычной разговорной речи, компенсируя недостаток точности используемого языкового инструментария? Нашим помощником является *реальная ситуация общения*, которая берет на себя в значительной степени роль определителя того, о чем мы собираемся говорить. Именно она дает нам возможность быть несколько небрежными в выборе слов и механизмов их соединения в нашем сообщении. Мы можем себе это позволить, поскольку *речевая ситуация* ставит наши слова в определенные рамки, придающие им однозначность и определенность. Конечно, и в литературной речи ситуация общения играет огромную роль; без нее вообще оно (общение) не было бы возможным. Но в литературных текстах не мы с вами, читатель, распоряжаемся ходом событий, там все зависит от автора повествования. Слова, произнесенные участниками диалогов, могут быть как угодно двусмысленны, но волею писателя последствия этих слов будут все равно такими, какими он их задумал. Другое дело в реальной жизни. Здесь мы сами решаем, что говорить в том или ином случае. Поэтому мы часто обращаемся к неточным словам, крат-

ким или усеченным фразам, когда чувствуем, что контекст ситуации расставит всё по местам и придаст сказанному окончательный и нужный смысл.

Заметьте, что мы упрощаем нашу речь в той мере и в тех пропорциях, которые позволяют нам рамки реального общения. Бывают случаи, когда «языковая ситуация» вообще обходится без слов. Вот что произошло со мной сегодня утром. Как обычно, я пошел в бассейн. Подойдя к воде, я увидел, что все дорожки заняты и даже переполнены. Дождавшись освобождения одной из дорожек, я начал плавать. Подплывая к одному из краев бассейна, я увидел фигуру человека, стоявшего там и собиравшегося войти в воду на моей дорожке. Даже не услышав от него ни слова, я стал плавать не посередине, а прижимаясь к краю. В дальнейшем, опять-таки не говоря ни слова, мы распределили свои «владения»: он с правой, а я с левой стороны. Таким образом, наш «диалог» оказался бессловесным, но дал тот же результат, что и возможный обмен репликами. В этом случае слова могли быть произнесены, но они оказались ненужными: их место заняли наши взаимные действия и их оценка участниками «дискуссии».

Иногда произнесение слов сводится к минимуму. Так, если на улице к тебе подходит человек и спрашивает, где находится тот или иной дом, то может статься, что ты покажешь этот дом и скажешь: «Вон там». На этом диалог завершается. Слово «там» относится к так называемым *деиктам*. *Деикты* – это слова, изменяющие свое значение в связи с ситуацией общения и с положением его участников. Для меня «там» означает то же, что для моего собеседника может быть «здесь», и наоборот. Наличие довольно большой группы деиктов в любом языке свидетельствует о том, что они, эти языки, приспособились к различным разговорным ситуациям, где каждый раз деикты получают новое назначение. Такая существенная по своему назначению группа слов, как личные местоимения, относится к деиктам. «Они» в одном случае такие-то люди, а в другом – совсем иные. «Я» и «ты» во время беседы постоянно меняются местами. В итоге мы используем одну и ту же *лексему* (слово, оборот) для обозначения тысяч, а то и миллионов разных объектов.

Не только *деикты*, но и большинство других слов, которые мы употребляем в обыденной речи, служат для собирания огромного количества аналогичных предметов в одном слове. Так, слово «кровать» обозначает миллионы различных кроватей, конкретизирующихся только в рамках определенной речевой ситуации. Прилагательное «красный» (-ая, -ое) характеризует любой объект крас-

ного цвета, а глагол «бежать» («бегать») – любое действие подобного рода. Именно в таком виде язык остается компактной системой с хотя и огромным, но все же обозримым запасом слов, и мы играем этими словами в ходе повседневного общения, помещая их в подходящий контекст. Совершенно очевидно, что нет никакой возможности обозначить отдельным словом-знаком каждый объект, каждое его качество и связь с другими объектами, каждое происходящее в нем изменение. Этого не выдержала бы ни одна, даже самая завидная человеческая память; и даже компьютер, несмотря на его огромные возможности, не выдержал бы такой нагрузки. На самом деле, в любом виде межличностного общения мы прекрасно обходимся теми средствами, которые предоставляются нам разговорным стилем языка. Разумеется, с помощью речевой ситуации.

В устном общении мы вынуждены выделять и учитывать ряд слагаемых *речевой ситуации* или *речевого акта* (так в лингвистике обозначается отдельный акт коммуникации между людьми). По мнению лингвистов, к таким слагаемым относятся:

- данные в отношении того, кто говорит;
- данные в отношении слушателя (в процессе диалога они меняются местами);
- составные части самого сообщения;
- забота о том, чтобы коммуникация протекала нормально, то есть чтобы получатель информации слышал и понимал то, что говорящий ему сообщает.

Прежде всего, инициатор диалога сообщает слушателю (слушателям) сведения о себе, показывает, так сказать, свои «верительные грамоты». В них он не только обозначает свое имя и некоторые (немногочисленные) данные о себе, но и объясняет, почему именно ему выпало на долю выступить с данным сообщением и насколько он в состоянии это сделать. Конечно, мы не говорим все это открытым текстом (что было бы чересчур прямолинейно), но всегда делаем несколько предварительных замечаний, чтобы привлечь внимание слушателей и настроить их на позитивный лад.

Затем надо получить хотя бы поверхностные сведения о слушателях, понять, с кем ты имеешь дело, как к ним надо обращаться и соответственно с этими данными строить свое сообщение. Иногда мы получаем такую информацию предварительно, до знакомства со своими будущими собеседниками, но в большинстве случаев мы либо вынуждены налаживать знакомство с ними по ходу дела или судить о них по тому впечатлению, которое они на нас производят. Имея хотя бы приблизительное представление об аудитории, мы

можем хотя бы на глазок построить для них наш, как говорят сегодня, *мессидж*.

Я нехотя употребляю это новое иностранное слово, еще не прижившееся в русском языке, но вынужден это сделать, поскольку не нашел в русском языке слова более подходящего. *Мессидж* означает «сообщение», но это больше, чем «сообщение». Это его суть, содержание. Иногда высказывание полностью совпадает по форме и содержанию: оно выражает именно то, о чем в нем говорится. В большинстве же случаев слова говорят одно, а суть высказывания сводится к другому, не выраженному ясно, но подразумеваемому. Кстати, этот разрыв между воспринимаемым (на слух) и его смыслом может послужить нам надежным критерием для отделения одного стиля от другого. Я ниже скажу об этом подробнее.

Затем следует выделить текст самого сообщения. Оно должно быть выражено в такой форме, чтобы, во-первых, быть понятным именно для данной категории слушателей, и, во-вторых, сформулировано так, чтобы получить на него положительный отклик. Если это просьба, то мы стремимся к ее позитивному разрешению; если это начало разговора, то мы должны повести его так, чтобы наш зачин был подхвачен. Для этого следует всячески поддерживать внимание собеседников, подавать материал ясно и доходчиво, стремиться к краткости и простоте, импонировать слушателям манерой разговора и поведения.

Наша аргументация должна быть последовательной, но в то же время не слишком навязчивой и авторитарной. Выводы надо формулировать осторожно и все время следить за тем, чтобы не задеть чувства и самолюбия людей, с которыми вы беседуете. На протяжении беседы надо выказывать к ней достаточный интерес, даже если она становится вам неприятной. Наконец, в начале, по ходу и по окончании беседы надо проверить, доходят ли ваши слова до получателя информации, нет ли серьезных помех для восприятия ваших слов и находится ли в порядке канал, по которому передается информация, например, телефон или компьютер.

Следует отметить, что в языке (в любом языке) существуют выработанные десятилетиями формулы ведения той или иной беседы. Их надо знать и кстати использовать. Если вы обращаетесь к незнакомцу, то надо предварять обращение словами «Простите!», «Извините, пожалуйста!» или еще как-нибудь в соответствии с принятыми в данной стране нормами. Таких «заранее заготовленных» фраз огромное количество, и они специально изучаются при овладении языком. Они существуют почти для всех случаев жиз-

ни, и обращение к ним только усиливает ваши позиции при ведении разговора.

Таковы некоторые рекомендации для оформления обычной беседы, обыденного разговора.

Жанры устной речи

Существуют и иные критерии распределения «языковой продукции». Можно, например, распределить все тексты по их *жанровой принадлежности*. Под *жанром* я понимаю специфическую форму высказывания: сделано ли оно устно либо на письме; выполнено ли оно в монологическом либо в диалогическом режиме; относится ли оно к малым формам (очерк, рассказ) или к формам более объемным – роман, повесть и т. д. Если при анализе стилей мы обращаем основное внимание на особенности слов-знаков [1], то в случае с жанрами основной акцент падает на приспособление текста к условиям его создания и воспроизведения перед той или иной аудиторией. Тут на первый план выступает *логика приложения* высказывания, логика приспособления автора к аудитории, для которой текст предназначается, и к рамкам, в которых он, данный текст, подается.

Первое и основное различие *жанров* касается их устного либо письменного оформления. Вас не должно смущать, что я называю текстом не только его письменное воплощение, но и устное – это давно уже принято в языкознании. Разумеется, устная или письменная форма существенно влияет на содержание, а главное, на словесную оснастку текста. Создание письменных текстов требует от автора совсем иных навыков, нежели те, что требуются от оратора при устной подаче материала. Между устной и письменной речью есть очень серьезные различия; они появляются потому, что в создании этих двух видов текстов участвуют существенно отличные физиологические механизмы.

Устная речь производится артикулирующими органами, и ее результатом являются звуки, которые улавливаются слухом. Звуки исчезают сразу же вслед за их произнесением (если их, конечно, не записывать на пленку), и у слушателей нет иной возможности к ним возвратиться, кроме опоры на память. С другой стороны, при создании письменных текстов, помимо только что упомянутых механизмов, которые работают безмолвно и во время письма, участвуют моторные навыки (само написание букв), а слушатели становятся читателями.

Подключение моторики к рождению текста меняет подход автора к его архитектуре и ведет к иному отбору языкового материала и

его расположению. Я убежден, что при этом меняется и психологический настрой автора: перед ним стоят совсем иные задачи и впереди вырисовывается иной результат. Многие писатели жаловались на «боязнь чистого листа», на то, что им иногда страшно начинать писать на бумаге, на которой сейчас еще ничего нет, а через минуту появятся значки букв. Сама моторика тоже зависит от физиологического состояния организма. Мне, например, в связи с возрастом стало сложно писать от руки; я давно перешел на работу с компьютером. Каждый новый этап в специфике материального воплощения письма ведет к своего рода потрясениям у создателей текста. Некоторые могут писать только карандашом, да еще остро очиненным; иначе у них работа не ладится. Переход от ручного написания слов к машинописи тоже связан первоначально с душевным дискомфортом. Равно и переход от пишущей машинки к работе с компьютером представляет собой хоть и небольшую, но требующую времени и приспособления революцию в нашем поведении.

Решающим для *потребителей текста* является форма его представления. Слушатель устной продукции выслушивает ее только один раз. Он отнюдь не против того, чтобы сложные мысли повторялись снова и снова в разном словесном облачении. Так ему легче понять и усвоить аргументы автора. Читатели меньше озабочены этими обстоятельствами: они могут возвратиться к написанному еще и еще раз и таким образом приобщиться к мыслям и намерениям пишущего. Автор поэтому не может возвращаться к одной и той же идее до бесконечности. Он оснащает ее различными аргументами, стараясь не повторять те же самые рассуждения и даже одинаковые слова в рядом лежащих предложениях.

Иначе говоря, построение устных и письменных текстов требует различных подходов. В связи с изложенным жанры устной и письменной речи кардинально отличаются друг от друга. К жанрам устной речи относятся, например, публичные выступления, лекции, доклады и т. п.; к жанрам письменной речи – разные виды литературных произведений, докладные записки, дневниковые записи, письма и т. д. Я не смогу даже кратко охарактеризовать их все (для этого требуется написать несколько книг), а коснусь лишь некоторых жанров того и другого вида (устных и письменных). Начнем с устной продукции. В ней я выбрал *устный рассказ, публичное выступление и научный доклад*.

Устный рассказ

Самым знаменитым устным повествованием, растиражированным на весь мир, являются сказки «*Тысячи и одной ночи*». Это не произведение отдельного автора или составителя – ее коллективным творцом является весь арабский народ. В том виде, в каком мы ее теперь знаем, «Тысяча и одна ночь» – собрание сказок на арабском языке, объединенных историей о жестоком царе Шахрияре, который каждый вечер брал себе новую жену и наутро убивал ее. Одна из жен, по имени Шахерезада, начинает рассказывать царю сказки с продолжением. Царю ее сказки настолько нравились, что он не казнил ее в течение тысячи и одного дня, пока она не родила ему детей и не стала его женой. За это же время возникли чудесные сказания, которыми восхищаются ныне во всех концах света. История возникновения «Тысячи и одной ночи» до сих пор далеко не выяснена, и истоки ее теряются в глубине веков.

Но все же это сказки, к тому же изложенные в виде книги. Известны многочисленные свидетельства из очень недавней истории России. Из них мы узнаем, что некоторые узники сталинских лагерей (главным образом интеллигенты) спасались от голодной смерти и своего бесправного положения тем, что пересказывали различные истории уголовникам. Безграмотные убийцы и жулики с удовольствием слушали умелых рассказчиков и создавали им привилегированное положение, зачастую спасая их от гибели. Самым важным для этих устных эпопей было выбрать сюжет позанимательней и умело его подать. Ставкой в такой словесной игре, как и в случае с Шахерезадой, была жизнь. Кое-кто успешно с этим справлялся.

В чем же заключается умение устного повествования? Вот что писал об этом знаменитый писатель, актер и режиссер *Василий Шукшин*:

«Помню устные рассказы моей матери. Помню, как мужики любили рассказывать всякие были и небылицы, когда случалась какая-то остановка в работе, когда они присаживались перекурить или перекусить в поле. Да и сейчас это искусство устного рассказа еще живо в народе. Есть, видимо, в нем какая-то глубокая потребность. А если есть потребность, то и мастер всегда найдется.

Об этом много можно говорить, но я пока одну особенность хочу отметить: в народе мастер устного рассказа всегда чувствовал прежде всего необходимость в своем рассказе. Не помню, чтобы кто-то взялся рассказывать, не задавшись целью сообщить что-то новое, нужное, интересное, а просто так, чтобы себя показать или фокус словесный какой-то выкинуть. Всегда в таких рассказах была цель, какая-то прямая жизненная необходимость. Рассказчику непременно

надо было что-то сообщить, к делу, случаю. И не просто сообщить – дескать, вот помню, было однажды то-то и то-то. Рассказ должен был разбередить душу, войти прямо в сердце слушателей. Утешить их, успокоить, чему-то научить, поделиться тем, что самого рассказчика волнует, из души рвется» [2].

Один из самых удивительных устных рассказчиков, Иракий Андроников, так писал о своем жанре (кстати, он был автором названия самого этого жанра «устный рассказ»):

«...я не пишу рассказов. Сперва я много лет их исполняю, а потом записываю. Это совсем другое. В процессе возникновения рассказа я к бумаге не прикасаюсь. Законы устной и письменной речи слишком различны. Рассказ я слышу в звучании. Он не задумывается. Он рождается как импровизация и растет в процессе обдумывания – в редакциях, дома, в гостях, в вагоне поезда, везде – были бы слушатели. Рассказа еще нет. Можно сказать, он еще сам не знает, что он рассказ. И я пока об этом не знаю. Есть только ядро сюжета, ядро образа. Это ядро долго томится во мне.

И вот я решаюсь – выхожу на эстраду, и рассказ рождается. Отливается сразу, без помарок, без подыскивания слов. Запоминаются форма, интонация рассказа. Ее я воспроизвожу как музыкальную мелодию, со всеми особенностями ритма, темпа, характера, образа. Я могу просвистеть свои рассказы. А слова приходят как в разговоре – сами собой, но под моим очень жестким и придирчивым контролем. Выступая на эстраде, я должен быть подумат о тех, кто знает изображаемого, и о тех, кто его не знает; о тех, кто может быть, его родственник; о тех, кои, не спрашивая, могут записать это на портативный магнитофон, и тогда это будет уже навсегда; о тех, кто не любит того, о котором я рассказываю, кто сидит далеко и кто – близко, кто слышит хорошо и кто – плохо. И чтобы получилось правильно и тактично в отношении всех. И учесть, кто и как может понять и истолковать рассказ. И надо успеть увидеть себя изнутри и одновременно – из зала, и все это в тот самый момент, когда произносится фраза! Вот теперь и решайте, что здесь от литературы, что – от театра, от музыки, от словесной импровизации. И что – от «модели», от того человека, о котором идет речь.

При этом образ ведет меня, а не я его. Я им живу, от него мыслю, и мне легко, потому что, войдя в образ, в нем уже почти нельзя ошибиться. Главное – это стремление отобразить важнейшее, передать самую суть образа. Он возникает из множества разновременных наблюдений, но лепится не по частям, а с ходу. Я его как бы вижу перед собой, несколько сбоку, в воздухе. И в то же время чувствую, что я его повторяю. Конечно, он антифотографичен. Если вы считаете, что живописный портрет документален, то и мой тоже. Он собирается: десять разговоров я сливаю в один и отжимаю то, что особенно характерно. Конечно, у этого – нового – разговора дата есть не всегда. Иногда бывает – дата есть, но в него введены девять других. А бывает, что и вообще такого разговора не было. Но образ не становится менее верным» [3].

Самым важным для исполнителя *устного рассказа* является наличие у него драматических способностей. Он должен быть немного актером и, стараясь не переигрывать (вспомните замечание В. Шукшина), подавать материал с некоторой долей актерского мастерства. Он должен соответствующим образом представить монологическую часть и разнообразить диалогическую составляющую рассказа. Он часто и уместно прибегает к жестам и мимике (конечно, не в таких масштабах, как актеры на сцене) и самым активным образом использует интонационную доминанту устной речи. Все вместе это составляет игровую часть выполняемой роли. Чем более убедительно она будет представлена, чем больше вовлечет рассказчик своих слушателей в ход повествования, тем больше выигрывает устное исполнение рассказа.

Все элементы устного рассказа, указанные мною, значительно уменьшаются в объеме в *публичном выступлении* и почти вовсе исчезают в *научных докладах*.

Публичное выступление

По этому поводу часто цитируют Наполеона Бонапарта: «Кто не умеет говорить, тот карьеры не сделает». И это верно. Умение складно выразить свою мысль на публике должно быть присуще всем, кто исполняет свою работу в присутствии большого количества народа: от продавца до учителя или юриста, выступающего в суде. В Древней Греции очень высоко ценилось ораторское искусство и было множество прекрасных ораторов. Его даже специально изучали в школе. Не меньшее значение придавали этому и в Древнем Риме, где искусные ораторы всячески поощрялись и почитались. От этих цивилизаций почтение к ораторскому мастерству проникло в Средние века в Европу, когда в большинстве школ *риторика* (ораторское искусство) включалась в учебный план и считалась необходимым элементом обучения подрастающего поколения. И сегодня на Западе эта традиция не угасла. К сожалению, в Советском Союзе она была предана совершенному забвению. Постыдные речи партийных боссов, которые читались по бумажке, не могли вызвать у слушателей ничего, кроме иронической усмешки. В сегодняшней России искусство устных выступлений, кажется, возрождается. Одним из свидетельств тому является огромное количество сайтов, посвященных риторике, открывается множество школ и курсов для обучения ораторскому

мастерству, печатаются соответствующие пособия.

Каковы же основные особенности этого жанра устной речи? На первое место в выступлении выходят принципы отбора и расположения материала, а вместо методов его драматической подачи основное внимание уделяется способам логической аргументации. В части отбора и распределения материала можно выделить следующие направляющие.

В выступлении обычно должно выделяться одно центральное утверждение, вокруг которого строится вся доказательная часть и которое становится ведущим фактором речи. Это утверждение может быть высказано в самом начале либо к нему подводит вся предыдущая аргументация, но оно должно составлять его центральную кульминационную часть. Главный тезис может быть разбит на несколько частей, но где-то он должен быть сформулирован цельным образом, желательнее в краткой и афористической форме. Утверждению и доказательству центрального тезиса и должна быть посвящена вся речь. Примером такого рода выступления (с моей точки зрения – идеальным примером) служит уже упоминавшаяся речь Марка Антония из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

Она начинается словами¹:

«Друзья и соотечественники, выслушайте меня...

Явился я сюда, чтобы похоронить Цезаря, а не хвалить его...»

А заканчивается так:

«Антоний хотел бы облизать все раны на теле Цезаря,
Те раны, что взывают к мщению перед камнями Рима».

В промежутке Антоний последовательно выстраивает доводы, показывающие величие Цезаря, его деяния, возвысившие империю и принесшие благосостояние ее гражданам. Одновременно он рисует подлость и предательство его противников и убийц, а среди них нескольких близких друзей Цезаря, которым он всячески покровительствовал. В результате его речи римские граждане поднимаются и мстят преступникам, изгоняя их из города.

Форма и содержание наполняют речь смыслом и красотой. Форма и содержание, безусловно, влияют друг на друга. Они неотделимы. Необходимо добавить, что оратор должен превосходно владеть своей тематикой,

¹Цитаты даны в моем переводе.

это позволит ему грамотно и уверенно излагать свои мысли. Кроме того, речь должна быть яркой, насыщенной; она должна запоминаться.

Для успешного выступления желательно составить план. В структуре плана следует предварить каждое новое суждение доводом, обоснованным ранее. М. М. Сперанский писал: «Одна мысль должна содержать в себе семю другой. Оратор должен испытывать чувство уверенности в истинности каждого из приводимых им аргументов» [4].

В истории России было много замечательных ораторов. Среди них выделялся Анатолий Федорович Кони (1844–1927), известный юрист и писатель. Он оставил нам записки о том, как надо выступать с речами. Вот несколько выдержек из этих записок.

«§2

Следует одеться *просто и прилично*. В costume не должно быть ничего вычурного и кричащего (резкий цвет, необыкновенный фасон); грязный, неряшливый костюм производит неприятное впечатление. Это – важно помнить, так как *психическое действие на собравшихся начинается до речи, с момента появления лектора перед публикой*.

§3

Перед каждым выступлением следует *мысленно пробежать* план речи, так сказать, всякий раз приводить в порядок имеющийся материал. Когда лектор сознает, что хорошо помнит все то, о чем предстоит сказать, то это придает ему бодрость, внушает уверенность и успокаивает.

§4

Лектору, в особенности начинающему, очень мешает боязнь слушателей, страх от сознания, что речь окажется неудачной, то тягостное состояние души, которое хорошо знакомо каждому выступающему публично: адвокату, певцу, музыканту и т.д. Все это, с практикой, исчезает в значительной мере, хотя некоторое волнение, конечно, бывает всегда.

Чтобы меньше волноваться перед выступлениями, надо быть более уверенным в себе, а это может быть только при лучшей подготовке к лекции. Чем лучше владеешь предметом, тем меньше волнуешься. *Размер волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду* или, вернее, результату подготовки. Невидимый ни для кого предварительный труд – основа уверенности лектора. Эта уверенность тотчас же повысится во время самой речи, как только лектор почувствует (а почувствует он непременно и вскоре же), что говорит свободно, толково, производит впечатление и знает все, что еще осталось сказать».

Также следует упомянуть о жестах и иных внеязыковых элементах публичных выступлений. По сравнению с устным рассказом к ним следует обращаться редко, только на пике самых эмоциональных моментов выступления. Об этом же пишет и Кони: «*Жесты* оживляют речь, но ими следует пользоваться осторожно. Выразительный жест (поднятая рука, сжатый кулак, резкое и быстрое движение и т.п.) должен соответствовать смыслу и значению данной

фразы или отдельного слова (здесь жест действует заодно с тоном, удваивая силу речи). Слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, приедаются, надоедают и раздражают» [5].

Научные доклады

Научные доклады – совсем иная статья. По сравнению с рассказом и публичными речами они кажутся пресными и монотонными. Но интерес в них есть, хотя он определяется совершенно иными факторами – новизной приводимых в докладах научных фактов и их умелой подачей. По содержанию они в большинстве своем непонятны непосвященным – публике, не имеющей отношения к науке, и даже ученым, непричастным к затронутым в сообщении проблемам. Их назначение – распространять научные знания. Поэтому основное место в них следует уделять не посторонним или даже околонучным рассуждениям, но описанию тех новых фактов, ради которых пишется доклад. В этом плане ведущими для нас должны стать слова Антони ван Левенгука (1632 – 1723), открывшего микроскоп, а с его помощью мир невидимых глазу микробов. Он писал: «Следует воздержаться от рассуждений, когда говорит опыт».

Зато опыт должен быть тщательно организован, его результаты проверены и перепроверены, прежде чем они попадают в научный доклад. Сегодняшний мир преклоняется перед наукой, потому что она сделала наше существование более достойным и комфортным. На науку отпускаются огромные средства, ученые окружены заботой и почетом. Они систематически собираются на разного рода встречи и конференции, где выступают с докладами. К сожалению, значимость таких встреч в последнее время резко упала. Большинство докладов, которые там произносятся, ни о чем не говорят, либо говорят о совершенно незначительных вещах. Между тем опыт добросовестных ученых свидетельствует о необходимости еще и еще проверять факты, полученные в эксперименте, – прежде, чем сделать их публичным достоянием.

Приведу лишь один пример добросовестного отношения к открытиям и новациям, полученным в науке. Немецкий физик Вильгельм Рентген (1845 – 1923) изучал в своей лаборатории электрические разряды в стеклянных вакуумных трубках. Вечером 8 ноября 1895 года он погасил приборы и собирался покинуть комнату, как вдруг увидел в темноте светящееся пятно. Светился экран из синеродистого бария. Отчего это он светился, ведь ученый выключил катодную трубку, могущую подавать энергию? Да еще и экран закрыт

чехлом. Оказывается, катод он забыл отключить, но каким образом происходит свечение, если экран изолирован плотным чехлом, да еще промежуток между источником энергии и экраном достигал одного метра? Так были открыты рентгеновские лучи, перевернувшие нашу жизнь во многих ее проявлениях.

Однако ученый не бросился сообщать о своем открытии. Он начал подробно изучать природу вновь открытого излучения. Чего только он не обнаружил уже на первых порах. Оказывается, лучи, им открытые, проходят не через все сферы одинаково. На их пути встала рука ученого, а на экране отпечатались кости этой руки. Он напряженно работал пятьдесят дней, проверяя все возможные предположения, приходившие ему на ум. Лишь к новому году он сел за стол, описал все сделанные им опыты и раскрыл ученому миру новую область исследований. Сейчас рентгеновские лучи широко применяются во многих науках, в частности, в медицине, в кристаллографии, в изучении космоса.

На этом же примере мы можем показать еще одну особенность научных сообщений: они часто и обильно сопровождаются иллюстрациями, как картинками, так и чертежами (графиками, схемами и диаграммами). Также и Рентген сопровождал свой небольшой тридцатистраничный доклад фотографиями. В их числе была фотография кисти руки его жены, выполненная под рентгеновским излучением. Эта фотография произвела самый большой фурор, особенно в кругах непрофессионалов, – никто до того не видел ничего подобного и не представлял, что такое возможно. Сегодняшние доклады обильно снабжаются иллюстративным материалом, тем более, что компьютер дает возможность легко демонстрировать слайды любого содержания в ходе устного сообщения. Возник даже новый термин: Power Point Presentation (лекция с помощью компьютерной программы Power Point).

Еще один характерный штрих: научный доклад, произносимый устно, наибольшим образом схож с его письменной родственницей, с научной статьей. Как я пытался доказать, «наука не терпит суеты», и оба ее отражения (устное и письменное) мало отличаются друг от друга.

Жанры письменной речи

Таких жанров и их подразделений – множество. Как и в случае с устной речью, я не намерен останавливаться на каждом из них. Хочу только подчеркнуть некоторые из них, непараллельные устным жанрам, к которым мы обращались выше. Я решил обратить

ваше внимание на *поэзию*, на *сочинение на заданную тему* и на *дневниковый* и *эпистолярный* (написание писем) жанры.

Поэзия

Было бы непростительно не сказать нескольких слов о *поэзии*. Это самый изысканный языковой жанр и самый привлекательный для знатоков. Слова Марины Цветаевой «Мои стихи, как драгоценным винам, настанет свой черед» как нельзя лучше отражают мою точку зрения. Как драгоценные вина, хорошие стихи можно пробовать на вкус. Подлинные поэты (а это очень большая редкость!) живут в языке. Они дышат словами и выдыхают их в виде стихов. Поэзия покрывает огромный диапазон высказываний, от абсолютно ясных и прозрачных:

«Мороз и солнце, день чудесный;
Еще ты дремлешь, друг прелестный...»
(А. С. Пушкин)

до сравнительно сложных для понимания:

«Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хрип-
лая охра.
И почему-то мне начало утро армянское снится,
Думал – возьму посмотрю, как живет в Эривани
синица».
(Осип Мандельштам. Из цикла стихов,
посвященных Армении)

Из всех языковых впечатлений, мне известных, наиболее сильным по эмоциональному воздействию на человека я считаю воздействие поэтическое. Речь, разумеется, идет о подлинной поэзии, наряду с ней существует и рифмоплетство. В истории литературы известны научные трактаты, написанные «стихами», но скорее следует сказать – «в рифму». Я рассказываю не о них и не о слабой поэзии, не отвечающей своему назначению – поднимать человека эмоционально, воодушевлять его. В поэзии, как ни в каком ином литературном жанре, не только не возбраняется, но всячески поощряется использование слов не по назначению, использование троп и стилистических фигур. Но в определенных пределах...Переход некоторой черты, когда стилистические изыски становятся самоцелью, убивает поэзию в том смысле, который подразумевается сказанным выше.

Сочинение на заданную тему

Это жанр учебный, и он располагается на другом – противоположном поэзии – фланге литературного фронта. Им пользуются в школах, чтобы научить школьников выражать свои

мысли на письме. Дело это трудное, и ему уделяется много времени и внимания. Ребятам учат выбирать тему сочинения (хотя чаще дают ее в принудительном порядке), предлагают им составить по этой теме план. На этом заканчиваются наставления и начинаются танталовы муки самого сочинительства. Разумеется, учеников знакомят с лучшими образцами русской прозы, их сочинения тщательно проверяются и поправляются, а затем по этому поводу устраиваются подробные обсуждения. Все это очень важно и нужно, только, как мне кажется, за бортом остается самое важное.

Самое важное в написании сочинений (это же касается и прочих прозаических и поэтических жанров) я бы определил словом *искренность*. Если в том, что вы пишете, присутствует ваша личность, в нем видна ваша заинтересованность, считайте, что больше половины дела сделано. Формальным правилам составления плана для будущего сочинения обучиться несложно, постепенно приходит и навык отбора нужных слов и фраз, но отсутствие личной заинтересованности в вашем произведении ощущается незамедлительно и моментально отвращает от него будущих читателей. Поэтому выбирайте из предложенных тем сочинения такую, которая бы вас задела, обеспечила бы ваше присутствие в написанном до завершения всего изложения. Все остальное постепенно, если не сразу, приложится.

В середине прошлого века в России был очень популярен американский писатель Джером Сэлинджер. Он написал небольшую повесть «Над пропастью во ржи», которая была переведена на русский язык и многократно переиздавалась. Повесть эта стала культовой, она отражала очень существенные черты своего времени. Вся она состоит из рассказа главного героя – мальчика по имени Холден. Мальчик этот не укладывался в общую колоду: его выгоняли из всех школ, где он учился; он не находил общего языка со своими родителями и сверстниками и был явным кандидатом в исправительное заведение. Но у него было одно достоинство. Он хорошо писал по-английски, а в написанном он был предельно искренним. Вот выдержки из одного диалога Холдена с учителем, который ему симпатизировал.

Учитель в беседе с ним по поводу выбора темы для сочинения говорит:

«Слушай, Холден... Могу я задать тебе короткий, несколько старомодный педагогический вопрос: не думаешь ли ты, что всему свое время и свое место? Не считаешь ли ты, что, если человек начал рассказывать про отцовскую ферму, он должен придерживаться своей темы, а в другой раз уже рассказать про болезнь дяди?...»

На что Холден отвечает:

«Да, наверно. Наверно, это так. Наверно, надо было взять темой дядю, а не ферму, если ему про дядю интереснее. Но понимаете, чаще всего ты сам не знаешь, что тебе интереснее, пока не начнешь рассказывать про неинтересное. Бывает, что это от тебя не зависит. И, по-моему, надо дать человеку выговориться, раз он начал интересно рассказывать и увлекся. Очень люблю, когда человек с увлечением рассказывает. Это хорошо» [6: 129].

Это, действительно, хорошо. Поэтому следовать мудрым советам по поводу того, как писать сочинение, конечно, надо, но еще важнее следовать своему внутреннему чувству, которое должно всегда присутствовать при написании тех или иных литературных произведений. То же самое преподавала и Любовь Кабо, легендарная учительница литературы одной из московских школ:

«Чего вы боитесь, бледные от страха, потные от изнурения, выпускники и абитуриенты? Собственных слов? Обкладываетесь шпаргалками – заведомо не свое, запасаетесь книгами, которыми услужливо завален рынок, – «100 лучших сочинений», – так ведь не своих же!.. Я вовсе не на моральные темы веду беседу – дескать, списывать нехорошо. Ну, нехорошо, только я-то не о том: *списывать – глупо*. Есть слова свежие, есть – с душком, а вы так и тянетесь к слову заезженному, стереотипному, залежалому на дальних полках позавчерашнего спроса.

Вот так и запишем в первый пункт нашей памятки: *писать надо самостоятельно*. Вовсе не оригинальничать ради оригинальничанья, это всегда видно и всегда противно, писать просто и серьезно и, главное, *самостоятельно* изложить то, что вы сами думаете о данном предмете» [7].

Эпистолярный жанр и дневниковые записи

Искренность на письме обеспечивается еще и выбором литературного жанра. «Самыми искренними» жанрами являются, разумеется, жанр эпистолярный и дневниковые записи, поскольку они в принципе не предназначены для публичного обозрения, а составляются для себя либо для близких к автору людей.

Эпистолярный жанр – это попросту написание писем и переписка с их помощью. Слово *эпистолярный* происходит от греческого *epistolē*, что обозначает «письмо», «послание». Следует не смешивать этот термин с *эпистолярным романом*, который хотя и воспроизводит переписку между персонажами произведения, но переписку, сочиненную автором, а не самими вымышленными героями. Жанр переписки был когда-то очень популярным. Это было в те времена, когда почта служила единственной ниточкой, связывавшей людей, проживавших далеко друг от

друга. Работала она медленно, тем более приятны были письма, полученные издали и сообщавшие о жизненных перипетиях и настроениях людей, мнение которых вы ценили. Да и автор послания, зная о том, что оканчиваясь в будущем не скоро, писал длинные и иногда весьма изощренные и похожие на развернутые рассказы сочинения.

Любопытно, что когда-то обмен письмами служил ученым разных стран Европы единственным источником научной информации. С его помощью ученые узнавали, чем занимаются их ближайшие коллеги по исследованиям, каковы их успехи и что они предлагают. Были даже люди, которые посвящали себя «почтовой деятельности» по обеспечению такого рода переписки. Так, в XVII веке в Париже жил аббат Мерсенн, философ и математик, соученик Декарта по иезуитской коллегии Ла Флеш. Он служил «почтовым ящиком» для многих ученых. Мерсенн, который состоял в активной переписке с выдающимися умами своего времени, жившими во Франции и за ее пределами, копировал и пересылал их письма тем людям, которые могли ими заинтересоваться. Его «клиентами» были в основном математики, среди которых выделялись Декарт, Паскаль, Ферма, Гюйгенс и Торричелли.

Но в основном письма пишутся в расчете на одного адресата, которому автор максимально доверяет и сообщает все свои заботы и соображения. Поэтому эпистолярный жанр и является столь конфиденциальным и доверительным. Письма, как было сказано, могли достигать размеров рассказа или даже небольшой повести, и в них автор раскрывался до пределов возможного. К сожалению, сегодня этот жанр утрачивает свое значение, но не потому, что люди стали менее талантливыми в написании своих посланий, а по ряду технических и социальных причин.

Об этом несколько ниже. Прежде я хочу сказать, что по уровню доверительности есть еще один жанр письменных сообщений, который не только не уступает переписке, но даже превосходит ее. Это дневниковые записи. Если в письмах вы доверяетесь еще кому-то, то в дневнике вы «переписываетесь» с самим собой. Вы просто изливаете на бумагу свои мысли и наиболее яркие впечатления. К тому же вы не придерживаетесь никаких внешних формальных правил и пишете искренне, «как на духу». К сожалению, и этот жанр в последнее время начинает увядать и опять-таки по причинам социального порядка, а не потому, что он перестал привлекать своей раскованностью и интимным характером.

Дело в том, что наше время (особенно ощутимо в только что прошедшем XX веке)

оказало свое деструктивное, разрушительное влияние и на оба обсуждаемых жанра. Тоталитарные режимы (а их было в избытке в этот период) не только не считались с интимным характером личной переписки и дневниковых записей, но почти в открытую охотились за ними и предъявляли их в качестве доказательств «противоправной деятельности» либо враждебных намерений авторов. Письма перехватывались и перлюстрировались на почте, а затем поступали в органы подавления. Страх вынуждал людей отказываться от любых личных суждений критического по отношению к режиму характера, они прекращали свободную переписку. Даже дневники изымались и становились обвинительным материалом. Граждане тоталитарных стран перестали доверять собственные мысли и дневникам. Да и в демократических странах перлюстрация переписки часто превращалась в средство борьбы с противником.

Указанное обстоятельство дополнилось недавно новым фактором, который внес свою лепту в перманентное угасание рассматриваемых жанров. Я имею в виду изобретение компьютеров, а на их базе – внедрение Всемирной Сети для передачи сообщений. К этому подоспело еще и массовое использование сотовых телефонов и передача с их помощью коротких сообщений, так называемых SMS (Short Message Service – служба коротких сообщений). Думаю, моим читателям не надо объяснять, что это такое. На всякий случай поясню, что с помощью обычного мобильного телефона можно отправить короткое сообщение, и оно немедленно дойдет до другого такого же телефона почти в любой точке земного шара. Размеры телефонного экрана и кропотливый набор букв затрудняют посылку развернутых сообщений, и они по необходимости становятся максимально краткими. Отсюда и гибель нормальной переписки, которая в принципе не ограничивает объем посланий: в куцей SMS-записке не очень-то выразишь буруевающие тебя чувства.

Вот эти-то обстоятельства и привели к резкому упадку эпистолярного жанра. Ниже я помещаю записку из Интернета о проведенном в Китае исследовании, которое однозначно указывает на его (жанра) постепенное исчезновение:

«По мере широкого распространения обычных и мобильных телефонов и сети Интернет, письма, написанные от руки, постепенно уходят в прошлое. Результаты выборочного опроса в Шанхае, проведенного недавно центром общественных исследований газеты «Цзефан жибао» и исследовательской компанией «Шэньчжоу», показывают, что в общении с родными и друзьями доля тех, кто звонит по обычным и мобильным телефонам и посылает краткие

сообщения, составляют соответственно 87,2%, 41% и 23,8%. *Только 2,2% людей продолжают писать традиционные письма.*

Анализ опроса показывает, что возраст и образовательный уровень играют важную роль в выборе формы общения. Очень незначительная часть лиц моложе 35 лет пишет письма и звонит по обычным телефонам, большинство из них пользуется мобильной связью и посылает краткие сообщения. Доля пользователей обычных телефонов среди респондентов (участников опроса. – А. С.), имеющих высшее образование (включая тех, кто прошел трехлетний курс специального обучения в вузах), меньше доли тех, у кого более низкий уровень образования. Доля тех, кто пользуется мобильной связью и посылает краткие сообщения, у первых выше аналогичного показателя у вторых. В использовании сети Интернет для общения – пропорции и тенденции те же самые.

Согласно данным опроса 86,2% респондентов отмечают, что без современных средств общения уже не обойтись. На вопрос, не обидно ли, если в течение дня вам не позвонили и не послали краткого сообщения, около половины опрошенных признали, что обидно: «На самом деле нам обидно потому, что мы привыкли к общению с помощью обычных и мобильных телефонов, сети Интернет. Если нам не звонят, не посылают кратких сообщений и нет писем в электронной почте, это означает, что мы мало общаемся с людьми» [8].

По всей видимости, те же самые тенденции наблюдаются и в отношении ведения дневников, но там главной причиной упадка жанра является страх перед репрессивной силой государственной машины, активно внедряющейся в личную жизнь своих подданных. Кроме того, прекращение жанра переписки и переход на «крайне деловые» и мало эмоциональные формы письма отрицательно воздействуют на навыки письма вообще (да и чтения тоже).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соломоник А. О языке и языках. М.: Спутник+, 2017. 394 с.
2. О проекте «Путешествия по Сибири с Леонидом Боровиковым». URL: <http://littera.websib.ru/borovikov/project.html> (дата обращения: 15.12.2007).
3. Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам... URL: http://dere.com.ua/library/andronnikov/ust_memuar.shtml (дата обращения: 15.12.2007).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Соломоник А. Логика знаковых систем разных типов (на примере логик высказывания и жанров речи) // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 6–20. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-6-20

4. Родной язык и речь. Риторика: в 3 ч. Ч. III: учеб. пособие для студентов. Н. Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2007. 157 с. URL: <http://www.ustinow.ru/stat/orator.htm> (дата обращения: 15.12.2007).

5. Кони А. Ф. Советы лекторам. URL: <http://www.orator.biz/> (дата обращения: 15.12.2007).

6. Сэлнджер Дж. Над пропастью во ржи. М.: Молодая гвардия, 1963. 256 с.

7. Кабо Любовь. Как писать сочинение. Памятка для учащихся средних школ. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199904301> (дата обращения: 15.12.2007).

8. Эпистолярный жанр уходит от нас // Газета «Жэньминь жибао» он-лайн. URL: <http://russian.xjts.cn/RUSSIAN> (дата обращения: 15.12.2007).

REFERENCES

1. Solomonik A. *O yazyke i yazykakh* [On language and languages]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2017. 394 p. (in Russian).
2. *O projekte «Puteshestviya po Sibiri s Leonidom Borovikovym»* [About the project “Traveling on Siberia with Leonid Borovikov”]. Available at: <http://littera.websib.ru/borovikov/project.html> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
3. Andronikov I. L. *Ya khochu rasskazat' vam...* [I want to tell you...]. Available at: http://dere.com.ua/library/andronnikov/ust_memuar.shtml (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
4. *Rodnoy yazyk i rech'. Ritorika. Chast' III* [Mother tongue and speech. Rhetoric. Part III]. Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2007. 157 p. Available at: <http://www.ustinow.ru/stat/orator.htm> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
5. Koni A. F. *Sovety lektoram* [Advice to lecturers]. Available at: <http://www.orator.biz/> (Accessed December 2007) (in Russian).
6. Salinger J. D. *Nad propast'yu vo rzhi* [The catcher in the rye]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1963. 256 p. (in Russian).
7. Kabo Lyubov'. *Kak pisat' sochineniye. Pamyatka dlya uchashchikhsya srednikh shkol* [How to write an essay. Memo for students of secondary schools]. Available at: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199904301> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
8. *Epistolarnyy zhanr ukhodit ot nas* [Epistolary genre leaves us]. *Gazeta «Zhen'min' zhibao» on-layn* [Newspaper “Zhen'min' zhibao” on-line]. Available at: <http://russian.xjts.cn/RUSSIAN> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).

Статья поступила в редакцию 5.11.2017

For citation

Solomonik A. Logic of Sign Systems of Different Types (on Example of the Logic of Statement and Genres of Speech). *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 6–20. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-6-20.